

Перипатетическая школа о природе гениальности и механизмах эстетического воздействия

В поисках рационального объяснения феномена творческого взлета, дарующего человеку самые глубокие и отважные прозрения, Платон, философы школы Аристотеля и их античные последователи открыли один из самых плодотворных путей размышления о природе вдохновения и таланта, влияние которого по сей день ощущается во множестве психологических теорий и поэтических топосов, вплоть до расхожей филистерской мудрости, гласящей, что все гении – сумасшедшие. В знаменитом пассаже Платонова «Федра» (244a) Сократ – развивая, по-видимому, мысли, впервые высказанные еще ранними философами, такими как Эмпедокл и Демокрит, – объявляет безумие ниспосланным богами даром, дающим душе философа и поэта способность, преодолев оковы тела, созерцать высшую реальность.

Аристотель и Теофраст соединяют платоновское истолкование безумия с медицинской гуморальной теорией, «материалистически» объяснявшей безумие преобладанием черной желчи над остальными тремя субстанциями, определяющими жизнедеятельность человеческого организма. Согласно автору перипатетического трактата на эту тему («Проблемы», XXX, 1), всем философам и поэтам свойствен «меланхолический склад», в том числе материалистическое истолкование получает и платоновская связь безумия и Эроса. Исследованию меланхолии служит мысленный эксперимент с использованием вина (подобно тому как в «Законах» Платона подобный же опыт служил исследованию качеств личности): постепенно принимаемое вино обладает свойством кратковременно высветить черты характера, соответствующие в каждом случае тому или иному типу индивидуального характера, достигающегося человеку на всю жизнь; точно такими же свойствами обладает и черная желчь: она, как и вино, способна порождать в своем обладателе множество характеров, только не на краткий промежуток, а в течение всей жизни. Этой полиморфностью и объясняется творческий потенциал обладателей такого склада. В основе воздействия вина и черной желчи лежат одни и те же причины: черная желчь, как и вино, содержит в себе ветер, ибо она представляет собой смесь, в состав которой входят также жар и холод. Способность быстрого перехода от жаркого состояния к холодному, сопровождающаяся быстрым «сгоранием» и выбросом вредных испарений, отвечает за характерные для меланхоликов всплески творческой энергии, сменяющиеся тяжелым упадком, несущим риск для самой жизни.

Важная, хотя и малозаметная сторона изложенной в «Проблемах» теории гениальности заключается в тех возможностях, которые она открывает для понимания некоторых аспектов перипатетических воззрений на механизмы эстетического воздействия художественных произведений. Разумеется, напрашивающееся прямолинейное сопоставление ее с интерпретациями теории трагического катарсиса невозможно, ибо для успеха своего потребовало бы, чтобы все посетители древнегреческого театра поголовно были меланхоликами, однако вряд ли оправданы будут сомнения в том, что рассуждение о гениальности объясняет Аристотелю точку зрения на *физиологический субстрат* эмоций, а вместе с теорией катарсиса позволяет понять, какие преобразования субстрата соответствуют изменению эмоций под воздействием художественного опыта.

В Средние века теория четырех темпераментов соединилась астрологией, к чему она внутренне была готова уже у перипатетического автора, молчаливо исходящего из идеи о параллелизме макро- и микрокосмоса; Марсилио Фичино придает ей всеобъемлющее общекультурное звучание, озаботившись поисками способов в полной мере использовать творческие преимущества физиологии гениальности, избежав при этом сопутствующих ей опасностей: для этого он берет на вооружение систематически развиваемую диэстетику, теорию музыкально-числового воздействия, астрологию, магию и иные сферы знания. Именно Фичино ответствен за повсеместно распространившуюся с конца XV и на весь XVI век моду на выражение меланхолии в искусстве, впоследствии выродившуюся в «сумрачность» одинокого романтического героя и литературно инспирированное позерство вплоть до наших дней.